

Alhadi Agabeldour

Il est né en 1971 Écrivain et poète soudanais et consultant, il est titulaire d'un doctorat en droit international ainsi que d'une maîtrise en droit pénal international. Il a travaillé dans le domaine du droit, du conseil juridique et est un militant des droits de l'homme. Il est un membre très actif de forums culturels en Europe en Afrique, et il a été bénévole pour plusieurs organisations non gouvernementales locales et internationales. Il a publié de nombreux livres et recueils de poésie et un certain nombre d'autres textes et d'articles.

Il est un expert des affaires intérieures et internationales africaines et a été interviewé dans de nombreux médias locaux et internationaux tels que le Washington Post et le New York Times, Christian Christian Monitor, l'agence Reuters et l'agence de presse française, allemande et chinoise, des chaînes de radio et de télévision comme Al Jazeera et la BBC.

Il est membre fondateur et président de l'Institut Africain International pour la Paix (AFIIP) www.afiipinternational.org à Bruxelles et membre fondateur du groupe Peace Performance Train, un groupe d'artistes et d'écrivains internationaux.

www.agabeldour.com
alhadi_agab@yahoo.com

Présentation des poèmes

Ces poèmes évoquent la douleur de l'exil, la mémoire d'une patrie blessée par la guerre et le rêve d'un avenir plus doux.

Ils chantent la souffrance d'un peuple dépossédé, la nostalgie d'une terre natale oubliée, et la résistance poétique face à la violence.

Le premier poème est une élégie pour un pays ravagé, mais porteur d'une mémoire vivante.

Le second exprime la dérive des exilés, porteurs d'espoir malgré la perte.

Le troisième est plus intime, mêlant amour, souvenirs et foi dans la beauté des détails simples.

Ensemble, ils forment un chant d'espérance, entre deuil, tendresse et lumière.

Альхади Агабельдур родился в 1971 году. Суданский писатель и поэт и консультант, он имеет докторскую степень по международному праву, а также степень магистра международного уголовного права. Он работает в области права, юридической консультации и является правозащитником. Агабельдур -- активный член культурных форумов в Европе в Африке, волонтер в нескольких местных и международных неправительственных организациях. Он опубликовал множество книг, сборников поэзии и ряд политических текстов и статей.

Будучи международным экспертом по африканскому бизнесу, Агабельдур периодически даёт интервью в СМИ, таких как The Washington Post и The New York Times, Christian Christian Monitor, агентство Reuters, а также по радио- и телевизионным каналам, таких как Al Jazeera и BBC.

Он является одним из основателей и президентом Международного африканского института мира (afiip) www.afiipinternational.org в Брюсселе и основателем группы Peace Performance Train, объединяющей художников и писателей из разных стран.

www.agabeldour.com
alhadi_agab@yahoo.com

Презентация стихов

Эти стихи исполнены болью изгнания, воспоминаниями о родине, пострадавшей от войны, и мечтами о светлом будущем.

Они повествуют о страданиях лишившихся крова людей, о ностальгии и поэтическом сопротивлении перед лицом насилия.

Первое стихотворение – это элегия разрушенной страны, оно пронизано живыми воспоминаниями.

Вторая пьеса посвящена изгнанникам, не теряющим надежду на обретение родины.

Третье стихотворение – более интимное, в нем смешиваются любовь, воспоминания и вера в красоту простых деталей.

Вместе эти три произведения образуют песнь надежды, проникнутую трауром, нежностью и светом.

Примечание переводчика на русский язык

В оригинале все три пьесы, по-видимому, написаны верлибром, однако в данном вопросе нет окончательной ясности, ведь переводчик работал не с арабским текстом, а с его переложением на французский. Учитывая эту неоднозначность в верификации жанра оригинала, переводы трёх стихотворений Альхади Агабельдуря на русский язык выполнены в разной манере. Первая пьеса – насыщенный консонансами верлибр (переходный вариант между верлибром и регулярным стихом), вторая – рифмованный стих, третья – собственно, верлибр.

1

Élégie des Montagnes Bleues

D'où naît le chant,
 quand la terre sombre est frappée de mutisme par les canons ?
 Et de quelle forêt ramènerons-nous au matin sa couleur,
 et à la Terre son premier récit ?

Me voici à t'écrire, ô mon pays,
 avec une encre semblable au Nil
 quand il déborde sur les chagrins.
 Je trace ton nom sur les Montagnes Bleues,
 comme on grave l'appel divin
 dans le cœur d'un prophète
 qui épelle les noms des survivants.

Tu étais l'étonnement,
 comme la voix de l'argile
 quand une fleur en surgit.
 Un visage semblable à l'infini,
 une épaule d'ébène et de forêt
 sur laquelle les caravanes s'appuient
 quand elles perdent leur route.

Tu étais un battement de cœur
 marchant sans peur sur la terre,
 et les femmes suspendaient à tes portes
 des chants de naissance, non des linceuls d'absence.

Qui donc a séduit les balles
 pour qu'elles établissent en ta poitrine
 une patrie provisoire ?
 Qui donc a dissipé la lumière du Nil
 et fait que l'eau rougitte de son propre reflet ?

L'enfance cherche désormais une ombre
 semblable au giron maternel —
 mais toutes les portes sont ouvertes au vent,
 et tous les cœurs renversés
 comme des villages bombardés dans un rêve.

Ici, l'aube se recroqueville

contre la hanche de la peur,
et dans la bouche de la blessure
germe une langue qui ne sait que faire l'éloge des morts.

Le ciel est bas jusqu'aux larmes,
et la terre, affligée par l'excès de son silence.
Même les oiseaux ne savent plus
distinguer entre le chant et l'alerte.

Mais nous, ô pays de la rosée,
nous ne sommes pas nés pour retenir
les noms des fusils,
ni pour enseigner à nos enfants
la géographie de l'exil.

Nous sommes d'une lignée
qui sait apprivoiser la cendre
jusqu'à ce qu'elle fleurisse dans la paume.

Nous dessinons la patrie
sur les murs de fumée,
et nous ouvrons les portes du lendemain
avec des clés faites d'un espoir
qui ne rouille jamais.

1

Элегия Синих гор

И откуда бы взяться песне
в чистом поле, выжженном на корню,
сотрясаемом канонадой?
Из какой бы лесной глуши
зачерпнуть палитру рассвета,
возвращая этим краям
первозданную радость?

Я пишу о родной **стороне**,
и в расплывах чернил
проступают скорбные воды Нила –
лучше было бы высечь из камня **мне**
имя этой земли, вознести его **ввысь**,
чтобы в синих **отрогах** гор
зазвучало оно
как божественный клич **пророка**,

угадавшего имена
тех, кому суждено спастись.

Ты была возгласом изумления –
как если бы глина вдруг ощутила
прорастающий в ней цветок.
Твоё длинное лицо
разворачивалось в бесконечность нирваны,
а твоё эбеновое плечо
таило в себе густолиственную прохладу,
где находят приют
заблудившиеся караваны.

Ты была биением сердца,
бесстрашно пустившимся в путь.
На твоих дверях
женщины вывешивали
песни в честь новорожденных,
а вовсе не плащаницы отсутствия.

Так кто же позволил пулям
углнездиться в твоей груди и уснуть?
Кто рассеял над Нилом свет,
оставив речной волне
лишь багровую муть
собственных отражений?

Детство прячется в складках теней,
словно в материнском лоне,
Все двери распахнуты ветром,
а сердца запрокинуты все
и лежат обреченно,
неловко –
привидевшиеся во сне
деревенские хижины
после бомбардировки.

Здесь рассвет прижимается
к бедрам страха,
и во рту развернутой раны
прорастает язык,
восхваляющий мёртвых.

Это истёртое
небо
не могло больше свет нести
и спустилось в долину слёз –
слышишь, как содрогнулась земля
от его пугающей безответности?

Здесь даже птицы не замечают различий
между руладами певчества
и сигналом воздушной тревоги.

Обитатели горных лугов,
мы могли жить как боги,
но нам навязали знание
орудийных калибров,
а нашим детям
пришлось учить
географию мест пребывания
в нетях изгнания.

Мы происходим из древнего рода,
приручившего пепел –
ты видишь в ладонях пламя?
На стенах дыма
я нарисую контуры дома,
родного дома,
где, быть может, я ещё не был,
но стоит лишь распахнуть дверь,
как мы обретём родину:
у нас есть ключ,
единственная надежда
которая не ржавеет с годами.

Hymne des Passants

Quand la patrie émigre en nous,
nous devons l'écho d'une barque
brisée par les vents de l'adieu.
La mort rampe dans les ruelles
comme un enfant sans mère —
il frappe à la porte du soir,
puis s'endort sur la pierre des souvenirs,
épuisé d'avoir attendu sans soleil.

Qui éteindra le feu du mal du pays
dans le sang de l'exilé ?
Qui ramènera l'empreinte des pas
vers une rive qui a oublié les passants ?

Ô Terre chantée par les oiseaux,
pourquoi nous renvoies-tu au monde
comme une faute en quête de pardon ?
Nous te portons dans des frissons
qui ne reconnaissent plus nos traits,
et dans des valises
empreintes d'odeur de pluie.

Nous écrivons nos noms sur le verre,
et cachons les sources
dans des pages jamais lues.
Nous disons à la vague :
« Nous ne sommes pas des envahisseurs,
mais une ombre en quête de paix. »
Et au soleil :
« Nous avons des maisons
qui ne connaissent pas la guerre,
et des mains
qui ne saluent pas les fusils. »

Nous sommes enfants du fleuve,
nous apprivoisons la cendre
pour qu'elle fleurisse dans la paume.
Nous portons la mer dans la voix,
nous nous éveillons aux pleurs des navires,
et nous rêvons d'une carte
jamais achevée.

2

Гимн Изгнанников

Птицы счастья, снявшись с насиженных мест,
эмигрируют в наши сердца.
Мы с тобой похожи на корабли,
погребённые в волнах прощаний.
Хмурым утром в двери стучится Смерть,
словно девочка без лица,
а её утомленный, крошечный лик
где-то спит в каменях воспоминаний.

Смерть крадётся улицами чужими
как дитя, потерявшее мать.
Переселенцев снедает чудовищный жар ностальгии,
и ничем его не унять.

На побережье осталась цепочка следов,
но ушедших никто не помнит.
За какую провинность ты,
родина певчих дроздов,
свое чадо бросила в омут?

В содроганиях наших есть часть тебя,
но размыты твои черты.
На дорожных сумках – свинец дождя,
а в вещах, опять-таки, ты.

На стекле мы пишем свои имена, –
их никто их не сможет прочесть.
Мы расскажем правду тебе, волна,
ты увидишь какие мы есть.
Мы не те, кто рушит соседский кров, –
было б Солнце, и был бы день!
Наши души в длинной цепи годов
окружала сплошная тень.

«Извини нас, Солнце, за разговор,
но ты видишь наш мирный кров.
Смертный грех – в затвор посыпать патрон –
не затронул наших умов».

Мы – живые дети лесной реки,
прах в огонь научены превращать,
но, поверь, нам легче лишиться руки,
чем в себе подобных стрелять!

Мы как братья плачущим кораблям,

заблудившимся в темноте.
Посмотри на карту – мы где-там,
а точнее, вовсе нигде.

3

Chants de Pluie

Le soir venu,
quand le cœur écoute le murmure de la rosée,
je t'appelle... par mon ancien nom,
celui que tu as caché
entre les pages de ton carnet,
quand tu m'écrivais
comme un nuage
qui ne sait pleurer que de belles larmes.

Nous sommes de ceux qui aiment en silence,
comme si les fleurs étaient fragiles.
Nous épelons les noms de ceux que nous aimons
comme une prière
qui croit davantage au rêve qu'à la certitude.
Et nous éparpillons nos songes
sur des trottoirs
où les pas du cœur laissent trace.

La pluie... ce n'est pas que de l'eau,
c'est une mémoire qui tombe
quand l'âme devient trop étroite.
Ses gouttes sont des histoires
venues d'un temps inachevé,
comme une corde brisée
avant d'avoir chanté.

Viens, écrivons le poème avec de la lumière.
Allumons des bougies
pour ceux qui sont passés en nous comme une chanson,
et disparus avant qu'elle ne finisse.

Le parfum que tu as laissé
prie encore entre mes mains,
et les lanternes
se changent en roses dans la poche du soir.

Tu te souviens ?
Quand nous avons dit que la paix
était peut-être une tasse de café

que personne ne viendrait interrompre,
un rire semblable à la première pluie...

Nous sommes les enfants des détails,
nous vivons comme si nous brodions la vie
avec le dernier fil de l'espérance.
Plantons des oiseaux dans la fenêtre,
et croyons que la musique
est plus proche de Dieu que le silence.

Je suis à toi...
comme le désir du miroir pour les souvenirs.
Dis-moi seulement :
quelle étoile étais-tu
quand tu as traversé mon cœur ?
Et quelle prière étais-je
quand je t'ai souhaité ?

3

Песни дождя

Наступает вечер,
и сердце слушает шёпот росы.
Я тебя называю ... полузыбтым уменьшительным именем,
которое прячется между страниц
интимного дневника, –
когда ты писала обо мне,
ты была как облако,
способное плакать только красивыми слезами.

Мы умеем ценить тишину,
эфемерную и хрупкую как цветок.
Мы произносим имена тех, кого любим, –
читаем их как молитву,
в которой мечта затмевает действительность.

Повинуясь велению сердца
(и стараясь шагать с ним в такт),
мы разбрасываем наши мечты
на задворках улиц,
по которым сердце блуждало.

Дождь... это не просто вода,
это воспоминание,
изливающееся наружу,
когда душе становится
невыносимо тесно

в себе самой.

Капли дождя -- это истории,
заброшенные сюда
из незавершённого времени,
как порванные струны,
так и не успевшие прозвучать.

Давай напишем поэму светом,
зажжём свечи
для тех, кто прошёл сквозь нас,
словно песня,
и исчез,
прежде чем песня закончилась.

Твоё обаяние... Запах, оставшийся после тебя,
он всё ещё трепещет на кончиках пальцев моих, и...
уличные фонари сияют как розы,
помещённые в дамскую сумочку.

Когда мы шутили:
«Миру ли рушиться, а мне ли кофе не пить?» –
жемчужный смех твой
звучал как отсылка к первым каплям дождя.

Мы – дети деталей
и живём так,
будто бы вышиваем жизнь
последней нитью надежды.

Давай посадим птицу на подоконник,
и поверим, что музыка
ближе к Богу, чем тишина.

Я твой ...
Как зеркало, жажду я стать
твоим отражением.
Поведай мне имя той путеводной звезды,
что тебя привела в мою жизнь!
Напомни, какими словами молился я,
когда безмерно возжелал тебя?